

Марина
СЕРОВА

**Тайна
вещевого рынка**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Тайна вещевого рынка

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Тайна вещевого рынка / М. С. Серова — «Эксмо»,
2026 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-248227-4

Татьяна Иванова берется за новое дело: кто-то испортил ярко-алой краской три витрины с самыми дорогими товарами в новом торговом центре. Ущерб большой, но не критичный: страховка покрое расходы. Так зачем же загадочный вандал пошел на такую экстравагантную выходку? Есть ли тайный смысл в этих алых разводах на элитных часах и платьях? Татьяне придется разворошить мутное прошлое сияющего нового ТЦ, чтобы докопаться до сути. А открывшаяся правда не принесет удовлетворения, а поставит перед новым, еще более сложным выбором... Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. Участвовала в оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248227-4

© Серова М. С., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Марина Серова Тайна вещевого рынка

Серия «Русский бестселлер»

© Серова М.С., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

К трем часам ночи Тарасов замирал окончательно. Улицы пустели, оставляя асфальт под присмотром редких фонарей. Гул дня сменялся одинокими звуками – скрипом вывески у круглосуточной аптеки, далеким гулом поезда за Волгой.

В этом сонном пространстве стоял торговый комплекс «Пассаж». Пять лет назад он вырос на месте старого завода. Местные газеты величали его первым деловым кварталом Тарасова. Девиз был громким, но суть оставалась прежней: это был крупный вещевого рынок. С претензией на лоск, стеклянными фасадами, где соседствовали бюджетный трикотаж и дорогая кожа, но все же рынок. Его экономика была проста: чем ближе к центральному входу, тем дороже аренда, а значит, и товар. Днем он был шумным, людным и безопасным. Ночью «Пассаж» превращался в склад. Его дневная мишура пропадала, обнажая сухой остаток: бетонные полы, отполированные уборщицами к полуночи; тускло мигающие красные точки датчиков движения; черные, слепые глазницы витрин. Для стороннего наблюдателя это была не крепость. Это была система. Хрупкая, дорогая, но система со своими правилами и графиками.

Темная фигура, похожая на тень, отслоилась от черноты между мусорными контейнерами. Она замерла, сливаясь с бетонной стеной. Затем, без суеты, двинулась вдоль фасада. Одежда – темные спортивные штаны, темная кофта с капюшоном, перчатки. Ни марок, ни фасона. В руке – обычная хозяйственная сумка из плотной ткани. Тень остановилась у служебной двери. Дверь была стальная, с кодовым замком. Рука в перчатке потянулась к карману, достала магнитную карту-ключ. Стандартную, белую, без опознавательных знаков. Тихий шелчок был едва слышен даже в тишине задворок. Тень не обернулась, не прислушалась. Она вошла.

Дверь закрылась за ней. Узкий проход освещали тусклые светодиодные лампы. Слева – щитовые, справа – уборные. Воздух был спертым. Тень прошла вперед, к еще одной двери, ведущей в торговый зал. Здесь карта не понадобилась. Дверь была на защелке изнутри. Через стеклянную вставку была видна часть зала: манекены в неестественных позах, темные экраны кассовых аппаратов. Тень потянула дверь на себя, подсунула тонкую пластиковую пластину между полотном и косяком, надавила. Защелка с тихим стуком ушла внутрь. Дверь отворилась.

Она ступила в первую лавку – Fiore di Pelle. Магазин с вывеской на итальянский манер. Внутри – кожа. Витрина – черный лак, металлические стойки. На них – куртки, сумки, ремни. Цвета – черный, коричневый, бордовый. Цены на маленьких бирках были скрыты. Тень поставила сумку на пол, достала из нее канистру. Движения были экономными, выверенными. Она сняла крышку, к внутренней стороне которой был прикреплен небольшой пластиковый ковшик. Внутри что-то плеснулось – густое, тяжелое. Жидкость была почти желеобразной, оставила на стенке канистры плотный, медленно стекающий след.

Она отцепила ковшик, зачерпнула жидкость. При переливании ее в ручной распылитель – простой, садовый, с нагнетательным устройством – пальцы в перчатке соскользнули с мокрого края. Ковшик выпал, ударился о полированный камень пола с глухим пластиковым шелчком и откатился под ближайшую витрину. Тень на мгновение замерла, ее взгляд скользнул в ту сторону, где исчезла маленькая белая деталь. Она не наклонилась, не стала искать. Несколько раз нажала на ручку распылителя, чтобы создать давление.

И начала.

Струя вырвалась с тихим шипением. Не широким веером, а тонкой, плотной струей. Первая дуга алого цвета легла на куртку из мягкой черной кожи, подбитую мехом. Краска не просто запачкала поверхность. Она моментально впиталась, изменила фактуру материала, превратила гладкую поверхность в мокрую, темную. Тень двигала распылителем методично, с холодной точностью. Она обрабатывала не случайные предметы, а самые заметные, центральные. Сумка-

чехол, висевшая на отдельной стойке, получила ровную вертикальную полосу через середину. Портфель из грубой кожи был залит полностью, жидкость затекла в замки.

Она опустошила первый распылитель, наполнила второй. Перешла к стеллажам. Краска ложилась на ремни, на перчатки. Она затекала в швы, проникала под подкладку, окрашивала ярлыки. На черной коже алая краска смотрелась как абстрактная картина, на коричневой – как ржавчина, на бежевой – как открытая рана. Работа заняла двенадцать минут. Когда в канистре осталась треть, Тень остановилась. Окинула взглядом результат. Магазин теперь напоминал не торговую точку, а бракованную партию на складе, помеченную красным крестом.

Она вышла из лавки, оставив за спиной алый хаос. Стеклоплату она не стала возвращать на место. Пусть проем зияет.

Следующей целью стал соседний магазин – ювелирная лавка с часами. В витринах – модели швейцарских марок. Здесь ее метод изменился. Она взяла тонкую кисть, также извлеченную из сумки. Обмакнула ее в краску. И аккуратно, с хирургической точностью, нанесла алый мазок на циферблат первого изделия. Краска затекла под стекло, покрыла стрелки, скрыла название марки. Часы за часами превращались в алые диски. Некоторые она просто заливала из носика канистры, и густая жидкость медленно стекала по металлическим браслетам, застывая комками в звеньях. Пятнадцать минут.

Тень вышла из магазина не оглядываясь. Последним стал салон вечерних нарядов. Платья из струящихся тканей – шелк, атлас, кружево – поглощали краску иначе. Она не стекала, а впитывалась, расплываясь мокрыми, тяжелыми пятнами, уродливо обвисая на манекенах. Здесь Тень позволила себе чуть больше выразительности – несколько широких взмахов распылителем, – создав на белой стене за манекенами абстрактный, бесформенный узор.

Канистра опустела. Тень отступила на шаг, запихала пустую емкость в сумку. Темная фигура стояла в центре зоны с самой высокой арендной ставкой, окруженная тремя магазинами, которые теперь были не точками продаж, а зонами бедствия. Алые подтеки ползли по стеклу витрин, капали с краев полок, образовывали лужицы на полированном полу. Она осмотрела свои руки. Резиновые перчатки были чистыми, лишь несколько брызг на запястьях. Одежда не пострадала.

Нарушитель выдохнул. Дыхание впервые за весь час вырвалось глубже и громче и повисло в холодном воздухе белесой дымкой в сыром, прохладном воздухе служебного помещения. Потом он повернулся и пошел назад тем же путем.

Проулок был пуст. Над Тарасовом занимался ранний рассвет, разбавляя черноту неба грязновато-сизым цветом. Где-то вдали проехала машина, ее звук тут же растворился в просторной тишине спящего города.

Тень растворилась в предрассветных сумерках. Над «Пассажем» оставался молчаливый, алый вопрос. Три магазина, бывшие витриной местного блеска, были отмечены. Их предстояло не просто отмыть. Стоимость ущерба была лишь цифрой в страховом отчете. Настоящая цена становилась очевидной с первыми лучами солнца, когда на полированных полах и испорченном товаре проступят четкие контуры совершенного.

Глава 1

Понедельник. Кафе «Бодрость» в Тарасове было местом, где за столиками под видом деловых обедов продавали услуги, решали вопросы и, как сейчас, заглаживали проблемы. Я сидела у привычного окна, откуда был виден весь этот утренний спектакль. На мне был серый жакет и блузка цвета морской волны. Это была моя рабочая маскировка, сигнал для своих и чужих: я здесь не обедать, а работать. Броня из кашемира и холодного расчета. За окном медленно проплывали лица, и я автоматически их сканировала: этот нервно сжимает чехол от ноутбука – боится опоздать, та поправляет на себе пиджак, купленный на размер больше, – пытается выглядеть солиднее, а в глазах читается панический вопрос: «А вдруг заметят?» Мой мир состоял из таких мелких трещин в чужой уверенности. Из них, как из мозаики, иногда складывалась картина.

Я сделала глоток эспрессо. Горечь была честной, без сиропных уловок. Вкус, который не обманывает. Вокруг же все было построено на обмане, даже воздух в этом кафе был пропитан сладковатым запахом дешевой выпечки и притворства.

Именно в этот момент в кафе ворвался мой сегодняшний сюжет. Дверь звонко хлопнула, и на пороге замер Игорь Петрович. Мужчина под пятьдесят, в темно-синем костюме, который кричал о желании выглядеть солидно и полном непонимании, как это делается. Ткань мялась на локтях, будто он только что отбивался от кредиторов. Рубашка была чуть желтовата у ворота, галстук – бордовое чудо с едва заметными золотыми значками доллара, намек на амбиции, которым так и не суждено было сбыться. Его лицо было маской паники, натянутой на каркас хронической усталости. Он окинул зал бегающим взглядом, нашел меня и почти побежал к столику, держа перед собой потрепанный кожаный портфель, как щит от невидимых стрел. Я дала ему время сесть, выдохнуть, поправить трижды за минуту галстук.

– Татьяна Александровна? – голос сорванный, с хрипотцой, будто он всю дорогу говорил сам с собой, убеждая или уговаривая.

– Игорь Петрович. Вы пунктуальны. Это либо хороший знак, либо очень плохой. Обычно означает, что проблема уже переросла стадию «нужно подумать» и въехала в стадию «ради бога, помогите».

– Дело... дело экстренное. Репутационный удар.

Последние два слова он произнес с придыханием, будто речь шла о смертельном диагнозе, который только что поставили ему самому, его детищу и всем его будущим планам разом.

– Репутация – это то, что украсть нельзя, ее можно только заработать или потерять. – Я отпила кофе, давая паузе поработать на меня. – Факты меня интересуют больше. Что случилось?

Он наклонился через стол, понизив голос до конспиративного шепота, хотя вокруг никого не было. Типичная реакция – если шептать, то проблема как будто становится менее реальной.

– Сегодня ночью в «Пассаже»... вандализм. Три бутика измазаны краской. Нарочно, цинично. Я... я даже не знаю, с чего начать.

– «Пассаж», – повторила я, делая вид, что припоминаю. – Это который вещевого рынка в корпусе старого завода? С лавками у входа и рядами с дешевым трикотажем сзади? Тот, что активно рекламируется как «новый формат»?

Он поморщился, как будто я назвала его ребенка некрасивым, и при этом абсолютно правдиво.

– Это современный торговый комплекс со смешанной концепцией. У нас есть и высококлассные бутики, и...

– То есть вещевого рынок с претензией и зоной для тех, кто готов платить за эту претензию, – уточнила я, отрезая поток корпоративной мути. – Страховка, полагаю, есть. Сама по себе финансовая дыра не главное... У страховщиков свои сроки, но они выплатят. Значит, дело не в деньгах. Или не только в них.

– В символике! – Он аж передернулся, и его плечи сжались. – И во времени! Через две недели День города, у нас запланированы мероприятия, приезжает пресса из области... А теперь это... это пятно! Нас выставят на посмешище как неспособных обеспечить безопасность! Арендаторы начнут паниковать, требовать скидок, расторжения договоров... Цепная реакция!

Он достал смартфон, руки дрожали так, что он едва не уронил аппарат на столик. Листал экран, искал что-то, и каждый его жест кричал о потере контроля. Наконец нашел и показал мне подборку: фотографии и выдержки с камер наблюдения.

Я взяла телефон. Качество среднее, камеры явно бюджетные, но суть ясна: темная, расплывчатая фигура в капюшоне у служебной двери, в руке – белый прямоугольник, похожий на карту-ключ.

– Чья карта? – спросила я, увеличивая изображение. – Потерянная? Списаная? Или действующая, из оборота?

– Охрана говорит – стандартная, служебная. Таких много, у всего персонала. Могла и потеряться, могли скопировать... Я не знаю!

– Скиньте мне все, что есть. Оригиналы записей, не скриншоты. И время на кадрах проверьте – не расходится ли с реальным.

На одном из кадров было видно, как темная рука в перчатке переливает что-то из канистры. Рядом на полу белый пластиковый коврик. Обычный, хозяйственный. Мысленно поставила галочку: либо инвентарь уборщиц – тогда надо пробить по спискам, кто и когда брал, либо принесенный – тогда могли остаться отпечатки, но охрана к утру уже все затоптала.

– Сигнализация? – спросила я, продолжая листать.

– Сработала с запозданием. Сбой в настройках, говорят. Охрана приехала через двенадцать минут – никого.

На следующем кадре в руке фигуры блеснуло что-то тонкое, металлическое. Пластина для отжима. Значит, ключ мог быть и недействующим – просто открыл щель, а дальше работали отмычкой. Профессионал.

– Ничего не украл? – переспросила я. – Ни одной вещи, ни одного образца?

– Ничего! Только испортил. Ущерб предварительно оценивают в несколько миллионов, но... это же нелогично! Нормальный вор взял бы самое ценное и скрылся! Сумасшедший... сумасшедший бы устроил погром, разбил все!

Я пролистала дальше. Fiore di Pelle – итальянская обувь, дорого. Ювелирный. Салон вечерних платьев. Интересный выбор. Не дешевый трикотаж, не точки с фастфудом. Кто-то бил по премиум-сегменту.

Лицо Игоря Петровича стало землистым, цвета застоявшейся волжской воды в ноябре. Он сглотнул, и кадык дернулся, как поплавок на волне внутренней паники.

– Вы... вы думаете, это кто-то из наших? Из команды?

– «Наших» – это чьих? – спросила я, расчлняя вопрос. – Арендаторов, которые могли что-то не поделить? Вашей администрации, у которой могут быть свои счета к руководству или друг к другу? Охраны, которую, как я понимаю по вашему взгляду, недавно меняли или увольняли? Давайте начистоту, Игорь Петрович, – продолжила я мягче, но без тепла. – Вы пришли ко мне не за тем, чтобы докопаться до сути любой ценой. Вы хотите не правды, а тишины и управляемого результата. Чтобы полиция формально поработала, страховая без проволочек выплатила и к Дню города «Пассаж» сиял как ни в чем не бывало и губернатор мог резать ленточку без задней мысли. Я же продаю правду. Полную. И если в процессе расследования

всплывет, что ваш уважаемый арендатор или кто-то из вашей, как вы говорите, «команды» замешан в старых грехах, которые и привели к этой ночной выходке, я это не замну. Не позволю замять. Это мой профессиональный кодекс. Он дороже любого вашего вознаграждения. Плата за мою работу – шестнадцать тысяч в день плюс фактические расходы: кофе, бензин, взятки осведомителям – все по чекам. Аванс за три дня. Наличными. Согласны?

Он замер, оценивая не просто глубину ямы, в которую уже провалился, а ее геологию. Его взгляд метнулся к окну, к благополучной, солнечной уличной суете, словно ища там спасения, совета, одобрения. Не нашел. Только свое отражение в стекле – помятое, испуганное.

– Согласен. Только быстро.

Он судорожно раскрыл портфель, достал коричневый конверт и положил на стол. Я не стала его вскрывать и считать, просто сдвинула к себе, оценив толщину и вес. Примерно пятьдесят. Честно.

Прежде чем конверт отправился в карман, я достала из сумки два экземпляра договора – стандартный бланк, который всегда лежал наготове. Мы бегло заполнили графы, поставили подписи, и мой экземпляр лег рядом с конвертом. Формальности были соблюдены – теперь можно работать.

– Отлично. Теперь по делу, – начала я, складывая руки перед собой. – Мне нужны цифровые копии или четкие фотографии списков всех, у кого был или есть доступ к служебным зонам, ключам, кодам от сигнализации, паролям от служебных дверей. Журналы пропусков за последний месяц, а лучше два. Данные по всем уволенным за последний год – охрана, администрация, технические специалисты, уборщицы. Фамилия, должность, причина увольнения, если известна. И контакты пострадавших владельцев бутиков.

– Владельцы... они очень не любят лишнего внимания. Особенно такого. Боятся, что это скажется...

– А я мастер ненавязчивости и легенд, – перебила я его с улыбкой, в которой было ровно столько тепла, сколько в инструкции к сборке мебели. – Начну с вашего администратора. Сергей Миловидов, кажется? Поговорю с ним как журналистка из регионального делового издания, пишущая позитивный материал о малом бизнесе к Дню города. Посмотрю, как он будет держаться, как заблестят его глаза, когда речь зайдет о стабильности, и как они потухнут, если я вскользь упомяну о «мелких происшествиях, которые, к счастью, не омрачают общей картины». Реакция всегда показательнее слов.

Игорь Петрович побледнел еще больше, чем это было возможно. Казалось, еще немного, и он станет прозрачным.

– Я... я все соберу и пришлю в течение часа. На вашу почту.

– И еще по краске, – остановила я его. – Такие алые составы используют для разметки дорог, для покраски металлоконструкций. У вас на территории не велись ремонтные работы? Не пропадала ли краска со стройки или из хозяйственных запасов?

Он задумался, наморщил лоб. – Был ремонт в цоколе... месяца полтора назад. Но краска там другая, серая, техническая. Надо у завхоза спросить.

– И еще один вопрос, не по списку, – остановила я его, когда он уже поднялся, собираясь уносить свои страхи и портфель. – Место, где стоит «Пассаж». Это корпус старого завода. Что там было до завода? Или до того, как его построили? Не пустырь, не свалка, не частные ли дома? Не было ли там какой-нибудь старой истории, может даже судебной, связанной со строительством или землей?

Он замер на полпути, будто споткнулся о невидимый порог, о собственную память. В глазах мелькнуло что-то знакомое – животное, неосознанное знание, которое прячут поглубже, в надежде, что оно сгниет там само. Он отвел взгляд.

– Пустырь... точнее, старый, полуразрушенный цех. Его снесли. Давно. Это... это не может быть связано. Совершенно другая история.

– Все истории в этом городе рано или поздно оказываются связаны, – парировала я, не спуская с него глаз. – Особенно если кому-то кажется, что землю у него забрали несправедливо, обманом, сломали жизнь. Такие обиды не гниют. Они консервируются. И ждут своего часа. Проверьте архивы, скажем, десятилетней выдержки, может, среди бумаг всплывет знакомое имя.

Он ничего не ответил, лишь кивнул с таким видом, будто я только что наложила на него непосильное бремя, и почти выбежал из кафе, оставив после себя шлейф дешевого одеколona с нотками пота и чистого, неразбавленного страха.

Я допила кофе до дна, оставила на столе купюру без сдачи – это была плата не за кофе, а за вид, уединенность и отсутствие лишних вопросов со стороны официантки. Конверт плотно, уютно лег во внутренний карман жакета. Вес аванса всегда приятен, он напоминал, что мой профессионализм уже имел материальную ценность.

Профессионал. Со своим ключом или украденным. Знает график камер. Бьет по самым дорогим арендаторам. Либо месть, либо передел, либо предупреждение. Вопрос: кому это выгодно?

На улице июньское солнце припекало по-настоящему, отражаясь в стеклах офисных центров слепящими бликами. Моя синяя «трешка» стояла на парковке ярким, наглым пятном среди моря серых и черных машин. Я села за руль, включила кондиционер. Сухой воздух ударил в лицо, сразу стало легче дышать. Достала телефон, открыла «ВКонтакте». Миловидов Сергей, администратор. Аватарка: он на фоне «Пассажа», довольный, в белой рубашке. Последний пост – два дня назад, репост группы «Аренда в Тарасове». Листнула ленту. Жена, ребенок, подписки на паблики с мемами. Обычный.

Я уже потянулась завести двигатель, когда экран моргнул. Входящее сообщение. Незнакомый номер.

«Не суйся в «Пассаж». Миловидов тут ни при чем. Копнешь дальше – пожалеешь. Это последнее предупреждение».

Я перечитала два раза. Пальцы сами сжали руль, костяшки побелели. Красиво, Таня. Даже кофе остыть не успел, а ты уже получила «последнее предупреждение».

Значит, кто-то очень не хочет, чтобы я говорила с Миловидовым. Кто-то, кто знает, что я только что взяла конверт. Кто-то, кто следит.

Я набрала Санин номер.

– Саня. Пробивай номер. Срочно. И слушай сюда. Забей в поиск по архивам все, что найдешь про старый завод на набережной, где сейчас «Пассаж». Лет за пятнадцать. Судебные иски, приватизация, снос, любые конфликты. И глянь, не всплывала ли там фамилия Миловидов лет десять назад.

В трубке зашуршало, клавиши заклацали с привычной скоростью.

– Та-а-ак, – протянул Саня. – Аванс уже отрабатываешь? Час от силы прошел.

– Аванс отрабатываю, – подтвердила я, глядя на экран с сообщением. – И, Саня... Похоже, дело не в краске. Дело в земле.

Я сбросила вызов. План на сегодня менялся. К Миловидову я, конечно, съезжу. Но теперь не с блокнотом журналистки, а с оглядкой. И первым делом – проверить, кто въехал на парковку следом за мной и до сих пор не вышел из машины.

В зеркале заднего вида напротив кафе мирно дремал серый «Логан». Номера местные. Стекла тонированные. Стоит ровно с той минуты, как Игорь Петрович выбежал из «Бодрости».

Я включила камеру на телефоне, навела резкость, сделала три снимка. Номер, силуэт водителя, общий план. Фото ушли в облако.

Теперь можно было ехать.

Глава 2

Солнце в Тарасове к одиннадцати утра из светила превращалось в орудие пыток. Оно не просто светило – оно выжигало. Асфальт у административного корпуса «Пассажа» отдавал в лицо волнами упругого, раскаленного воздуха. Моя синяя «БМВ», простоявшая двадцать минут под ним, встретила меня дыханием сауны – пришлось придержать дверь, чтобы не выхлестнуло это пекло наружу раньше времени, и заодно не заорать: «Господи, за что?» Я выдохнула, поправила серый жакет – строгий, но не офисный – и водрузила на нос очки в тонкой металлической оправе. Аксессуар, меняющий лицо. Вместо частного детектива – деловитая журналистка из регионального бизнес-издания. Блокнот в руке, сумка через плечо, выражение легкой озадаченной заинтересованности. Легенда должна быть не просто правдоподобной – она должна быть удобной, как вторая кожа. Эту роль я примерила еще утром, за кофе: «Татьяна Волжская» – слегка пафосный псевдоним для провинциального портала, который я выдумала за пять минут. У нее должен быть чуть наигранный энтузиазм, открытый взгляд и привычка все записывать. Идеальная маскировка для сбора открытой информации, которая на поверку оказывается самой ценной.

Само здание было типичным детищем поздних девяностых: двухэтажная коробка из силикатного кирпича, где архитектор, судя по всему, боролся с депрессией, победив ее аскетизмом. Потрескавшаяся плитка у входа, стеклянная дверь с мутными разводами от бесконечных прикосновений. Я толкнула ее.

Внутри время текло медленнее – и, кажется, портилось быстрее, чем снаружи. Воздух стоял такой густой, что я задумалась: а дышать тут вообще положено по технике безопасности? Свет люминесцентных ламп падал на невымытый пол, высвечивая темные разводы от бесчисленных следов, на стенах – облупившуюся краску и следы скотча от давно снятых объявлений. Двери с табличками «Бухгалтерия», «Отдел аренды» походили на ячейки картотеки. На полу, как немые и вечно недовольные стражи, стояли в пластмассовых кадках фикусы.

Место, где решались судьбы арендных ставок, выглядело так, будто эти судьбы никого не волнуют. В Тарасове так и было: весь лоск – на витрины, а кухня, где варятся настоящие деньги, пряталась в серых коробках с линолеумом цвета тоски. У деревянной стойки секретаря сидела женщина в розовой, кричаще яркой кофте. Телефонную трубку она зажала между ухом и приподнятым плечом, двумя руками что-то заполняя в журнале.

– Здравствуйте, – сказала я, сделав голос чуть выше, звонче. – Меня зовут Татьяна Волжская. У меня назначена встреча с Сергеем Миловидовым. Для портала «Бизнес-Волга».

Женщина медленно, с неохотой оторвалась от бумаг. Ее взгляд пополз вверх от моих туфель, задержался на жакете, прицелился в очки. Просканировала. Оценка «не начальство, можно не напрягаться» сменилась легким любопытством.

– Паспорт, – бросила она, наконец положив трубку.

Я протянула паспорт и визитку – стандартную заготовку для образа журналистки, которая всегда лежит в моей сумке. Она лениво сверила, кивнула.

– Второй этаж, двести седьмой. Только поживее, у него летучка.

– Спасибо огромное, – одарила я ее теплой, открытой улыбкой.

Улыбкой человека, для которого каждый новый кабинет – маленькое приключение.

Лестница скрипела под ногами предательски громко, и я невольно ступала осторожнее, стараясь распределить вес так, чтобы доски помалкивали. Стены цвета выцветшей больничной рубашки. На площадке – искусственное растение, еще более унылый клон тех, что внизу. Дверь с цифрой «207» была приоткрыта. Я постучала костяшками пальцев и вошла без ожидания ответа. Так делает уверенный в своем праве журналист.

Кабинет был попыткой выглядеть солидно при ограниченном бюджете. Большой, потертый стол из темного дерева, на нем – древний компьютер с пухлым монитором, хаотичные стопки бумаг, два телефона. На стене – обязательный портрет в дешевой рамке и календарь с видами Швейцарии, который здесь смотрелся как насмешка. Окно, заляпанное пылью, выходило на пустырь с парковкой. За столом сидел хозяин этого царства.

Я незаметно скользнула взглядом по экрану телефона, где была открыта его фотка из соцсетей. Он, собственной персоной. Только в жизни – потрепаннее.

Сергей Миловидов. Лет тридцати пяти, но жизненный ресурс был уже изрядно на исходе. Ранняя, тщательно зализанная лысина, пухловатое, белесое лицо человека, чей главный источник света – люминесцентная лампа. Светло-бежевый пиджак висел на нем мешковато, словно купленный на размер больше «на вырост», который так и не наступил. Голубая рубашка, галстук синий в горошек. Галстук был затянут тугой, идеальной петлей. Его короткие, аккуратные пальцы отбивали на столе нервную, бессмысленную дробь.

Увидев меня, он вздрогнул, как сурок, застигнутый фарой, и вскочил. Движения резкие, лишенные плавности.

– Татьяна... Волжская? – переспросил он, не решаясь протянуть руку.

Голос – неприятно высокий, с металлическим подзвоном. Голос мелкого начальника, который привык, что его слушаются, но сам до конца в это не верит.

– Проходите, пожалуйста. Садитесь.

– Сергей... можно по отчеству? – уточнила я, устраиваясь на стуле напротив и раскрывая блокнот с деловым видом, заодно отметив, что обивка стула протерта до дыр, но заклеена скотчем – экономия на всем, даже на том, на чем сидят.

– Сергей Александрович, – выпалил он, снова плюхаясь в кресло и начав бесцельно шелестеть бумагами. – Так вы... с «Бизнес-Волги»? Звонок, да... утром?

– Именно так, – кивнула я, делая в блокноте бессмысленный завиток. – Готовим специальный проект про малый и средний бизнес в регионе. Успешные примеры, вызовы, перспективы. «Пассаж» – один из флагманов. Хотелось бы осветить и работу администрации: как вы выстраиваете управление таким комплексом, взаимодействуете с арендаторами, обеспечиваете защиту активов. Особенно в контексте подготовки к крупным событиям вроде Дня города.

Я вещала плавно, с одобрительными кивками, словно зачитывала вступительную речь. На деле каждый тезис был крючком. «Управление» – поглаживание по амбициям. «Взаимодействие» – намек на возможные трения. «Защита активов» – профессиональное иносказание для «безопасности». «День города» – спусковой крючок для паники, если он в курсе ночных событий.

Миловидов сжался. Его пальцы вцепились друг в друга на столе, костяшки побелели.

– Управление... это, гм... комплексный процесс, – начал он, уставившись в календарь со швейцарскими Альпами. – У нас все по регламенту. Договорная работа, графики, отчетность. Что касается защиты... служба охраны, современная сигнализация. Все в рабочем режиме.

– Это замечательно, – сказала я, выводя в блокноте закорючку, похожую на знак вопроса. – А человеческий фактор? Все-таки большой поток людей, товары высокой стоимости. Не случилось ли в последнее время... ну, каких-то нештатных ситуаций? Читателям интересны такие истории – как команда успешно отражает вызовы.

Я смотрела на него, слегка склонив голову, с выражением девичьего, неподдельного любопытства. Внутри же работал сканер, считывающий малейшие колебания. Он не просто напрягся – он физически уменьшился в размерах. Плечи поднялись к ушам, губы сжались в тонкую белую линию. Глаза забегали, ища спасения в мониторе, в портрете на стене, в собственных беспокойных руках.

– Ситуаций? Каких ситуаций? – голос взвизгнул на полтона выше. – Нет, что вы. Полная стабильность. Работаем по накатанной.

Врал. И даже не краснел – бледнел. Красиво, Таня, довела человека до инфаркта за пять минут. Я это не услышала – я это увидела по тому, как дернулся кадык под узлом галстука.

– Ясно, – легко согласилась я, будто вопрос был сущей формальностью. – Тем лучше. Тогда, может, расскажете о процедурах доступа? Например, как контролируется вход в служебные зоны вне рабочего времени? Это важная часть системы. Читателям-предпринимателям такие детали полезны.

Я снова улыбнулась, переводя разговор в сухое, техническое русло. Но для меня это был единственный ключ. Нужно было заставить его показать документы, не вызывая тревоги.

Миловидов слегка размяк, почувствовав, что опасность миновала.

– Контроль есть. Журналы пропусков, электронные карты. Все фиксируется. Каждое перемещение.

– А можно одним глазком? Для наглядности, – попросила я, жестом указав на блокнот. – Не сами журналы, конечно, а... для понимания механизма. Может, есть образец бланка? Или выписка за обычную неделю? Для иллюстрации в материале.

Я смотрела на него широко открытыми, почти наивными глазами. Женщина, которой интересны скучные бумажки. Скучные бумажки – это я люблю. Особенно когда в них фамилии нужных людей.

Он замер на секунду, мысленно взвешивая. Проще показать, чем объяснять.

– Ну, если для иллюстрации... Журналы у секретаря. Сейчас.

Он вышел, оставив дверь открытой. Его шаги по коридору были быстрыми, суетливыми. Я осталась сидеть, слушая этот стук. Время работало на меня. Пока он считал меня безобидной, я могла получить больше. Бросила взгляд на стол. Ничего личного. Ни фотографий, ни сувениров. Кабинет временщика, который не планирует пускать корни или боится оставлять следы.

Рядом с клавиатурой лежал открытый ежедневник. На сегодняшней дате было выведено: «ЛЕТУЧКА 13:00. ОТЧЕТ ПО ПРОИСШЕСТВИЮ. НЕ ОПАЗДЫВАТЬ». Слово «ПРОИСШЕСТВИЕ» было написано заглавными буквами и подчеркнуто. Два раза. Забавно. То ли у них каждый понедельник что-то случается, то ли мне так везет. Или это ночное шоу с краской? Если да, то его явно просят отчитаться, а не разобратся. Разница принципиальная.

Он вернулся с двумя потрепанными картонными папками.

– Вот, – сказал он, ставя их передо мной. – За май и июнь. Но это внутренний документ, понимаете... конкретные данные публиковать нельзя.

– О, само собой, я просто посмотрю на форму, – заверила я его, с деловым энтузиазмом открывая верхнюю папку.

Внутри – подшитые скрепками копии листов. Стандартная таблица: дата, время, фамилия, имя, отчество, цель, подпись. Рукописные строчки, разные почерки. Бюрократическая алхимия, превращающая людей в данные. Я начала листать июньские страницы, делая вид, что изучаю структуру. Искала одну дату: ночь с девятого на десятое. Пальцы двигались быстро, но без суеты. Миловидов сидел напротив, поглядывая то на меня, то на часы с растущим беспокойством.

– Интересно устроено, – бормотала я для фона. – Все очень детально.

Девятое июня. Дневные визиты: поставщики, уборщики, арендаторы. К восьми вечера – тишина. Пустота до утра. Перелистнула. Десятое июня, утро: охрана, администрация. И там, среди утренних записей, я ее увидела.

Аккуратная, с размахом подпись: «Морозов В. А.». В графе «Цель визита»: «Проверка систем безопасности». Время: «03:15». Десятое июня. Ровно та ночь, когда тень с канистрой хозяйничала в «Пассаже».

Вот ты и попался, родимый. Или тебя подставили, родимый.

Мышцы на лице остались в прежнем, слегка заинтересованном положении. Я подняла взгляд на Миловидова, который в этот момент грыз ноготь на мизинце.

– А это кто? – спросила я нейтрально, ткнув пальцем в запись. – Морозов. Проверка в три ночи. Это стандартная практика? Ночные обходы?

Лицо его перекосило. Он побледнел так, что даже веснушки проступили ярче. Рука дернулась к галстуку, будто он внезапно ощутил, как петля сдавливает горло.

– Морозов? Это... бывший. Охрана. Уволен. Неделю назад. Это... ошибка, должно быть. Он не мог...

Он замолчал, поняв, что выдал слишком много.

– Ошибка в журнале? – мягко переспросила я, наклоняясь, как бы желая помочь разобраться. – Но подпись-то его. Или это не она?

– Я... не в курсе, – пробормотал он, уставившись в стол. – Журналы ведет секретарь. Может, кто-то по старой памяти... вписал.

Голос срывался. Паника была не из-за самой записи, а из-за того, что ее увидел посторонний. Значит, они уже знали. И пытались это как-то обработать, объяснить. Морозов был для них удобной мишенью, но до поры – тихой.

– Ладно, неважно, – махнула я рукой, закрывая папку с видом полного равнодушия. – Система работает – и хорошо. Сергей Александрович, большое спасибо, это очень ценно. А можно, я сфотографирую обложку журнала и вашу визитку? Для коллажа, чтобы читатель погрузился в атмосферу.

Я достала телефон, не дожидаясь ответа. Он кивнул, слишком растерянный, чтобы возражать. Я сделала несколько кадров: обложка папки, его визитка на столе. Потом, якобы проверяя свет и для естественности сделав шаг в сторону окна, я неуклюже задела стопку бумаг локтем, извинилась и, пока он машинально поправлял съехавшие листы, быстрым движением навела камеру на раскрытый журнал. Щелчок затвора потонул в моем «ой, извините, ради бога». Камера щелкнула – и улика у меня в кармане. Буквально.

– Отлично, – сказала я, вставая и убирая блокнот. – Вы мне очень помогли. Надеюсь, наш материал привлечет к «Пассажу» еще больше внимания. Особенно в свете грядущего праздника.

Последнюю фразу я произнесла с особой, подчеркнутой теплотой. Он снова вздрогнул, будто его ткнули иголкой. День города был для него не праздником, а датой потенциального провала.

– Да... всегда на связи, – выдавил он, поднимаясь.

Рукопожатие было коротким, ладонь – холодной и липкой.

Я вышла, оставив его одного с его страхами, папками и подчеркнутым словом «ПРОИСШЕСТВИЕ». В коридоре, не доходя до лестницы, услышала, как он резко набрал номер и сильно проговорил:

– Она тут была... журналистка... спрашивала про... нет, ничего не сказал, но...

На улице солнечный удар обрушился на голову полной силой. Я сняла очки, сунула в карман. Легенда сдана в утиль. Информация добыта. Виктор Морозов, уволенный начальник охраны, по бумагам, находился на объекте в ночь чрезвычайного происшествия. Слишком просто. Слишком глупо, если он действительно виновен. Либо он полный профан, оставляющий автограф на месте преступления, либо его вписали. Тот, у кого был доступ к журналам или рычаги давления на секретаршу в розовой кофте.

Я завела двигатель, выставила кондиционер на максимум. Пока салон остывал, достала телефон. Письмо от Игоря Петровича пришло, как и обещалось. Вложение – файл «Уволенные_последний_год.xls».

Открыла. Таблица была составлена с той же любовью к делу, что и интерьер административного корпуса. Фамилия, имя, отчество, должность, дата увольнения. Графа «Адрес реги-

страции» против большинства имен, включая Морозова Виктора Анатольевича, содержала унижительный прочерк. Кадровик рынка явно считал, что бывшие сотрудники растворяются в воздухе, как только переступают порог.

Но в соседней колонке «Примечания» чья-то небрежная рука начертала каракули. Против Морозова угадывалось: «Гар. кооп. „Маяк“, бокс 12». Почерк был уставшим, «гаражный» сокращалось до «Гар.», но суть ясна.

Вот он – последний известный системе след. Он вел не в квартиру, не к родственникам. Он вел в бокс. Туда, где копят обиды, пахнет машинным маслом и старым железом. Туда, где человек, выброшенный системой, хранит остатки своего мира. Идеально.

Я уже собиралась тронуться, чтобы направиться в промзону, когда телефон тихо завибрировал в руке. Не звонок – СМС. С незнакомого номера.

Сообщение было коротким, без знаков препинания: «Морозова нашли не тратьте время он не ваш человек».

Я перечитала. Текст был грубый, набранный впопыхах. «Не ваш человек». Интересная формулировка. Не «не виновен», а именно – «не ваш». Значит, кто-то знает, что я его ищу. И знает, что я не из полиции, не из администрации. Что я – «свой» для кого-то, и мне подсказывают, куда не стоит совать нос.

Кто? Испуганный Миловидов, пытающийся отвести подозрения? Сам Морозов, предупреждающий через кого-то? Или...

Адреналин, холодный и острый, сменил усталость от жары. Они нервничают. Значит, я двигаюсь не в пустоту. Значит, Морозов – не тупик, а развилка. Его либо используют как щит, либо он – часть чего-то большего.

Мне нужен был контекст. Факт из журнала и адрес – это скелет. Нужны были мышцы – мотивы, связи, старая грязь.

Я включила на телефоне защищенное приложение для обмена сообщениями, которое Саня когда-то настроил, бормоча что-то о «примитивном, но работающем шифровании для дилетантов». Написала ему короткий запрос, как в военном донесении:

«Морозов В. А. Экс-начальник охраны „Пассажа“. Уволен на прошлой неделе. Нужна предыстория: причины увольнения (реальные), конфликты, связи в администрации, характер. Стиль жизни. Приоритет – быстро, но осторожно. За мной, возможно, присматривают».

Отправила. И тут же задумалась: а сама-то я куда собралась? В «Маяк». К мужику, про которого знаю только то, что его подставили (или не подставили) и что какой-то доброжелатель велит держаться подальше. Гениально, Таня. Прямо классика жанра: приди, постучись и спроси: «Вы, случайно, не вандал?» Ладно. Посидим, подождем, пока Киря нароем что-то вменяемое. В конце концов, если принцип «сначала анализ, потом действие» однажды спас мне жизнь, глупо его нарушать ради лишней мозоли на пятке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.